

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-107-126

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере городов Восточной Европы)

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

А.Р. Курбанов, канд. полит. наук, доц. кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4., г. Москва, Россия, 119991**

В статье анализируется процесс трансформации городского пространства, связанный с социально-политическими изменениями и пересмотром культурно-исторической памяти. Город в каждый момент своего существования рассматривается как совокупность “мест памяти”, каждое из которых выполняет свою роль в общем символическом ансамбле. Развитие городов находится в очень тесной взаимосвязи с трансформациями социально-политических режимов. Любые социально-политические изменения находят свое выражение в создании новых “мест памяти” в городском пространстве и разрушении старых. Особенно очевидной эта взаимосвязь становится при рассмотрении истории и современности городов, выполняющих столичные функции. Столицы традиционно имеют максимальную символическую нагрузку. На примере развития Москвы в советский период демонстрируется, как архитектурные решения и городское пространство в целом становятся средствами выражения новой социалистической идеологии. Советская власть стремилась утвердить свои ценности и приоритеты всеми способами, одним из которых стал новый облик коммунистической Москвы. Демонтаж советского режима стал очередным этапом развития городского пространства. В статье делается вывод о том, что распад социалистического лагеря кардинально изменил облик городов Восточной Европы.

Ключевые слова: социология города, пространство, “места памяти”, символическое наследие городов, Москва, столицы.

SOCIAL AND POLITICAL CHANGES AND THE TRANSFORMATION OF URBAN SPACE (the case of Eastern Europe)

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

** Курбанов Артемий Рустямович, e-mail: ark112@yandex.ru

Kurbanov Artemiy R., PhD, Associate Professor, Department of philosophy of education, Faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Avenue, 27, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ark112@yandex.ru

The article analyses the relationship between socio-political changes and transformation of urban space, which is a revision of the cultural and historical memory. City at every moment of its existence, considered as a set of “places of memory”, each of which performs its role in a symbolic ensemble. Urban development is in very close connection with the transformations of political regimes. Any socio-political changes reflected in the creation of new “places of memory” in urban space and the destruction of the old. Especially clearly this relationship becomes obvious when considering the history and present of cities that perform Metropolitan functions. Capital traditionally has a maximum symbolic value. For example, the development of Moscow in the Soviet period demonstrates how architectural solutions and urban space as a whole became means of expression of the new socialist ideology. The Soviet government sought to establish its values and priorities in all ways, one of which was the new face of Communist Moscow. The dismantling of the Soviet regime became the next stage in the development of urban space. The article concludes that the collapse of the socialism radically changed the face of cities in Eastern Europe.

Key words: urban studies, space, “places of memory”, symbolic legacy of cities, capitals, Moscow, capital cities.

Человек с древнейших времен окружен материальными предметами, которые он создает сам или приспособливает для своих потребностей. Эти предметы становятся значительной частью социального мира. Их перечень начинается с такой самой обыкновенной и привычной утвари, как кровать, стул, посуда для еды и умывания, одежда, инструменты, и продолжается до домов, деревень и городов, улиц, транспорта, кораблей. В каждую вещь человек вкладывает свои представления о целесообразности, удобстве и красоте, т.е. в определенном смысле самого себя. Поэтому предметы показывают человеку его собственное отражение, они напоминают о нем самом, о его прошлом, о его предках и т.д. Предметный мир, в котором живет человек, имеет индикатор времени, который связывает его не только с настоящим, но и с различными периодами прошлого¹.

Исторические события преломляются в общественном сознании и формируют картину представлений о значимых для данной социальной общности фигурах, действиях, датах. Эта картина во многом определяет паттерны восприятия актуального информационного контекста. Для описания коллективных представлений

¹ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. P. 97.

социума о своем прошлом используется концепт исторической памяти². Историческая память проявляется в базовых мировоззренческих установках и может быть выражена в конкретных социальных действиях. Одним из первых исследователей, обратившихся к проблематике исторической памяти, был М. Хальбвакс. Он предложил рассматривать коллективные воспоминания (“коллективную память”) как одно из ключевых условий сохранения и воспроизводства социальной идентичности: группа получает свой автопортрет, который объединяет разные образы прошлого³. Можно предположить, что манифестация исторической памяти становится наиболее выраженной в ситуациях, восприятие которых в общественном сознании входит в резонанс с ее ключевыми элементами. “Узнавание” в событийном контексте знакомых образов актуализирует соответствующие паттерны в индивидуальном и коллективном поведении.

В последней трети XX в. начинаются активные исследования коллективной и культурной памяти, различных их проявлений⁴. Теоретической основой, как правило, являются работы М. Хальбвакса⁵. Изучаются самые разные репрезентации памяти: в литературе, языке, сообщениях средств массовой информации и т.д.⁶ Архитектура является материальным воплощением коллективной памяти. Пространство рассматривается как итог социальной активности и может отражать определенные идеологии. Поэтому политические трансформации часто сопровождаются реконструкцией городов и созданием новых.

Города представляют собой кладовую коллективной памяти. Их изучение является важным для понимания истории цивилизации и прогнозирования ее будущего. Город — точка максимальной концентрации власти и культуры сообщества, где актуализируются и решаются все проблемы цивилизации, форма и символ интегрированных социальных отношений, поскольку именно здесь формируется самосознание общества. Культурная память сохраняется архитектурными стилями, повторением образов, а также постоянно

² Подробнее см.: Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214. С. 203.

³ Halbwachs M. The collective memory. N.Y., 1980. P. 86.

⁴ Confino A. Collective memory and cultural history: problems of method // American Historical Review. 1997. Vol. 105. N 2. P. 1386–1403.

⁵ Halbwachs M. Op. cit.

⁶ Echterhoff G., Higgins T., Kopietz R., Groll S. How communication goals determine when audience tuning biases memory // Journal of Experimental Psychology: General. 2008. Vol. 137. N 1. P. 3–21.

и периодически воспроизводимыми социальными практиками⁷. Города — хранители истории и культуры, поскольку каждое из строений отражает идеи своей эпохи. В городах “время становится видимым”⁸, поэтому они, по мнению Л. Мамфорда, являются прекрасным наглядным пособием для изучения истории культуры. Л. Мамфорд называет города музеями, указывая на тот факт, что они являются материализацией памяти об истории развития цивилизации и позволяют понять актуальные проблемы современности. Л. Мамфорд, как и многие другие ученые, разделял точку зрения о том, что мы систематически пытаемся реконструировать настоящее из прошлого и представить само настоящее как историю.

В данной статье анализируется символическое наследие городов, способствующее формированию определенной коллективной памяти. Пространство рассматривается как значимая часть социальной, коллективной и культурной памяти. В создании памяти участвует все, что передает прошлое и предлагает его интерпретации.

Распространенным средством репрезентации прошлого стало городское планирование. Архитектура — это совокупность ансамблей, в которых исторические эпохи накладываются друг на друга в камне, бетоне и асфальте⁹. Города могут рассказать свою историю, потому что многие здания отражают дух своего времени. Следовательно, пространство символически воссоздает разные эпохи, подчеркивая постоянное физическое присутствие многослойного культурного прошлого, которое сохраняется в ландшафте и архитектуре¹⁰. Символами городов в XIII в. были соборы, в XVI в. их заменили дворцы, а в конце XIX в. символами триумфа инженерной мысли стали небоскребы.

Городское пространство является отражением общественных отношений. Согласно А. Лефевру, каждое общество производит свое собственное пространство, поэтому изменение политического режима часто влечет за собой трансформацию общественного пространства¹¹. А. Лефевр считает необходимым выделять две составляющие в любом городе: материальную реальность (*ville*), в том числе и архитектурную, и социальную реальность (*urban*), произведенную в условиях города, включающую в себя отношения между жителями, конструируемую и реконструируемую с помощью их

⁷ Assmann A. Canon and archive // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 100.

⁸ Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970. P. 4.

⁹ Welzer H. Communicative memory // Cultural Memory Studies... P. 287–288.

¹⁰ Neumann B. The literary representation of memory // Cultural Memory Studies... P. 340.

¹¹ Lefebvre H. La production de l'espace. P., 2000. P. 66.

действий и мыслей¹². Социологию, конечно же, в первую очередь интересуют городская жизнь и городское общество, которые можно рассматривать отдельно от материальной базы, как возможности, в том числе, для применения знания и воплощения идей, причем самого разного уровня. Город формируется не только как результат локальных действий и идей местных жителей. Одновременно процесс его конструирования определяется также безличными производственными отношениями и отношениями по поводу собственности, т.е. между классами, классовой борьбой, идеологиями (религиозными, философскими и т.д.), которые выходят за пределы городского уровня функционирования¹³. “Прочитать” город, понять его, можно лишь зная тот язык, систему символов, на основе которых он создавался. А. Лефевр утверждает, что город может быть прочитан, потому что он “пишет”, потому что он “написан”¹⁴.

Культурная память объективируется и хранится в символических формах, которые, в отличие от звуков слов или вида жестов, являются стабильными в пространстве и времени¹⁵. Смена исторических периодов предполагает реконструкцию городского пространства, создаются символы новой эпохи, которые либо соседствуют с прежними, либо их вытесняют. Политические изменения неизбежно приводят к трансформации городского пространства, новая власть старается создать свои “места памяти”, наиболее очевидными и значимыми из которых являются памятники.

Память не только сама подвержена изменениям, она также является мощным средством перемен, преобразования нашего отношения к прошлому, пересмотра прежних систем ценностей и социальных отношений¹⁶. Переход от одного типа общества к другому представляет собой транзитный период, характеристики которого очень сложно зафиксировать, поскольку динамика и трансформация составляют его суть. Вместе с тем, архитектура способна материализовать эту динамику и, подобно покадровой съемке, фиксирует каждый этап изменений. При этом многие явления транзитного периода в процессе своего развития меняются до неузнаваемости. Кроме того, в транзитный период традиции уступают место моде. Как только меняется парадигма, породившая ту или иную архитектуру, последняя мгновенно теряет всякую ценность в глазах окружающих.

¹² *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P., 2015. P. 45.

¹³ *Ibid.* P. 53.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Assmann J.* Communicative and cultural memory. P. 110–111.

¹⁶ *Assmann A., Shortt L.* Memory and political change: Introduction // *Memory and Political Change* / Ed. by A. Assmann, L. Shortt. L., 2012. P. 4.

Неизбежным последствием социально-политических изменений, особенно революционных, становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой — к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапунктировать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число. Любая власть нуждается в своих “местах памяти”¹⁷, что и приводит к созданию новых архитектурных сооружений. Вещи не имеют собственной памяти, но они могут напоминать нам, потому что несут воспоминания, которые мы вложили в них¹⁸. Создание новых “мест памяти” часто сопровождается разрушением или утратой прежних. Память легко может стать объектом манипуляции¹⁹. В данной статье рассматривается взаимосвязь социальных и политических изменений с трансформацией городского пространства. Повторим, что города — хранители истории и культуры, и даже отдельные здания отражают дух своего времени. Город анализируется как “место памяти”, обладающее символическими функциями, что особенно характерно для столичных городов. Г. Терборн полагает, что столицы — это особые символические пространства²⁰, архитектурные сооружения которых несут наиболее серьезную смысловую нагрузку, поскольку в их политико-культурном пространстве представители власти традиционно стараются оставить долгую память о себе.

Литература свидетельствует о том, что в России столицу никогда не любили, какой бы город ею ни был: когда главным городом был Санкт-Петербург, Москву называли “матушкой” и “душой”; как только Москва стала политическим центром, Санкт-Петербург превратился в “культурную столицу”²¹. Это распространенный случай, когда столица, которая символизирует власть и государство, вызывает противоречивые чувства. Лондон также никогда

¹⁷ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора. СПб., 1999. С. 26–27.

¹⁸ Assmann J. Communicative and cultural memory. P. 111.

¹⁹ Мартыненко Т.С. Память и забвение как механизмы воспроизводства социального неравенства в современном мире // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 119–121.

²⁰ Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006 // International Review of Sociology. 2006. Vol. 16. N 2. DOI: 10.1080/03906700600708816. P. 210.

²¹ Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М., 2015. Т. 1. С. 25–34.

особо не пользовался особой любовью англичан²², как и российские столицы – любовью жителей России. Но именно столичные города чаще всего становятся полигонами для апробирования архитектурных инноваций.

Некоторые политические лидеры начинают создавать историю с основания новой столицы. Вашингтон, Бразилиа, Канберра, Оттава, Нью-Дели и т.д. являются примерами подобных попыток написать политическую и архитектурную историю с новой страницы. В подобных городах много “мест памяти”. Например, Национальная аллея (National Mall) в Вашингтоне, округ Колумбия, является значимым символическим пространством. В ее основе лежит проект генерального плана застройки будущей столицы Соединенных Штатов Америки, предложенный архитектором Пьером Шарлем Ланфаном (Pierre Charles L'Enfant) в 1790-х гг. П.Ш. Ланфан предусмотрел создание в центре города “Гранд-Авеню” – широкой аллеи, протянувшейся на запад от здания Капитолия. По его замыслу, новый город должен был обладать символической идентичностью, связывающей американскую демократию с великими европейскими столицами²³. Это символическое пространство стало туристической достопримечательностью как для американских, так и для иностранных гостей. В топографическом и символическом контексте здесь соединяются основные здания трех ветвей власти: Белого дома, Капитолия и Верховного суда²⁴.

Основание или преобразование столиц является обычной практикой для нового правительства или нового политического лидера. Многие пытаются оставить память о себе на долгое время, создавая монументальные архитектурные сооружения. Столичные города – это особые города. Это центры национальной политики, культуры и экономики, которые особенно чувствительны к постоянно меняющемуся месту нации в мире²⁵. Столица – олицетворение власти на государственном уровне – опирается на целую совокупность традиций и символов и отражает могущество государства как внутри него самого, так и за его пределами.

Санкт-Петербург был новой столицей Российской империи. Этот город изначально строился первым российским императором Петром I как столичный, его план был четко выверен. Санкт-

²² *Simmel G.* The metropolis and mental life // *Simmel: On Individuality and Social Forms (Heritage of Sociology Series)* / Ed. by D.N. Levine. Chicago, 1971. P. 328.

²³ *Berg S.W.* Grand Avenues: the story of Pierre Charles L'Enfant, the French visionary who designed Washington, D.C. N.Y., 2008.

²⁴ *Hebel U.J.* Sites of memory in U.S.-American Histories and Cultures // *Cultural Memory Studies...* P. 55.

²⁵ *Therborn G.* Op. cit. P. 210.

Петербург должен был отражать могущество и богатство новой империи, покорявшей новые территории и наносившей поражения врагам. Г. Терборн считает, что на архитектуру города оказало серьезное влияние то, что он был основан и строился в самый разгар Северной войны: датой основания города считается 16 мая 1703 г., т.е. больше, чем за год до успешной осады Нарвы, когда впервые ясно обозначились успехи русской армии²⁶. Величие города символизировало величие страны и ее первого императора. Монументальность строений соответствовала амбициям Петра I, который возвел не только город, но и создал ему достойное окружение, в частности, аналог роскошного Версаля – Петергоф.

Город, построенный Петром, был столицей с начала XVIII в. по начало XX. Москва на эти два столетия оказалась предоставлена сама себе и развивалась, напротив, весьма хаотично. После того, как двор Петра I переехал в Санкт-Петербург в 1712 г., Москва в течение примерно 200 лет в значительной степени оказалась покинутой аристократией. Из традиционного места сосредоточения русского дворянства Москва превратилась в центр торговли и промышленности, где купеческая элита стала более влиятельной, чем политическая²⁷. Перенос столицы в Москву в 1918 г. привел к необходимости модернизации города, возвращения ему политических и символических функций. Реконструкция Москвы в начале XX в. – один из наиболее масштабных проектов преобразования городского пространства в России.

В XX в. доминирование Москвы в советской и российской городской системе стало очевидным. Москва была не только местом, где находилась политическая, административная и экономическая власть, но и была моделью развития для всей страны²⁸. В течение XX в. Москва превратилась из города с населением в миллион человек в крупнейшую европейскую агломерацию. Периодом наиболее интенсивного роста стало советское время.

Форсированная модернизация была условием выживания советского государства в мире, который воспринимался как враждебный; началась кампания по перестройке российского мегаполиса, Москва стала одной из “витрин” советской современности²⁹. Москва должна была стать образцовым социалистическим городом. Про-

²⁶ *Therborn G.* Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // *Housing, Theory and Society*. 2002. Vol. 19. N 1. DOI: 10.1080/140360902317417976. P. 30.

²⁷ *Behrends J.C.* Modern Moscow: Russia's metropolis and the state from Tsarism to Stalinism // *Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940* / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014. P. 102.

²⁸ *Rudolph R., Brade I.* Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. 2005. Vol. 22. N 2. DOI:10.1016/j.cities.2005.01.005. P. 135.

²⁹ *Behrends J.C.* Op. cit. P. 101.

странство столицы государства, в котором победу одержал пролетариат, неизбежно должно было иметь колоссальную символическую нагрузку: “Москва... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов”³⁰. Москва стала центром революции пролетариата, на которую должны были ориентироваться рабочие других стран. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, в СССР она была гипертрофирована. Большевики, по мнению Я.К. Берендса, путем преобразования Москвы конструировали новый фасад своего режима, представлявший их как неоспоримых правителей страны. Их задачей было не только строительство новой советской столицы, но и создание города, который стал бы одновременно символом всей большевистской миссии и будущей мировой столицей³¹. Память об этом прошлом нашей страны пока жива в городской среде, но ее историческая значимость продолжает оспариваться.

1920-е и начало 1930-х гг. — время градостроительных дебатов и смелых экспериментов. У советской власти не было цели сохранить какое-либо культурное наследие. Более того, его безжалостно уничтожали. Полемизуя с Ле Корбюзье, советский архитектор и один из лидеров конструктивизма М.Я. Гинзбург писал: “Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий”³².

Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым. Особое значение имела идея строительства дворца на месте Храма Христа Спасителя: разрушение символа главной военной победы прежнего режима, построенного в память о погибших

³⁰ Берендс Я.К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133). С. 19.

³¹ Behrends J.C. Op. cit. P. 115.

³² Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 11.

в войне с Наполеоном, было одним из шагов в процессе удаления прошлых “мест памяти” из публичного пространства. Наиболее амбициозным проектом советского правительства было строительство Дворца Советов. Этот проект так и не был осуществлен, но было возведено несколько других архитектурных сооружений со схожими очертаниями — так называемые “сталинские высотки”. Еще одним грандиозным проектом стало строительство метро, первая линия которого была открыта в 1935 г.

Строительство новых объектов сопровождалось массовым переименованием прежних. Невский проспект Петрограда в 1918 г. стал проспектом 25 Октября, Дворцовая площадь превратилась в площадь Урицкого, Троицкий мост стал мостом Равенства³³. Особое внимание было уделено главному городу страны. Центральная улица столицы СССР (дорога к Петрограду, уже переименованному в Ленинград) была названа улицей Горького, а в конце XX в. опять вернула себе изначальное название — Тверская. После утверждения Генерального плана Москвы с нее начались грандиозные преобразования, которые можно сравнить с реконструкцией Парижа бароном Османом: ширина улицы Горького была увеличена до 100 метров, благодаря чему на ней стало возможно движение в любом направлении не менее чем по трем полосам³⁴.

Для социалистических режимов формирование городского пространства было важным элементом политических проектов, направленных на создание новых форм общества³⁵. Дома-коммуны стали наиболее полным воплощением идеи “обобществления быта” и получили широкое распространение в довоенных советских городах. Они являются наследием предвоенной эпохи и свидетельством социальных и архитектурных экспериментов 1920–1930-х гг., напоминающим нам об эпохе конструктивизма.

Дома-коммуны сегодня занимают промежуточное положение в городском пространстве. С одной стороны, сохранившиеся до наших дней постройки обычно имеют статус памятника архитектуры, как широко известный Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве. С другой стороны, их состояние обычно настолько плачевное, что для городских властей поддержание таких объектов в жизнеспособном состоянии превращается в такую же проблему, как и капитальный ремонт “хрущевок”. Исключения

³³ *Therborn G.* Eastern drama... P. 220.

³⁴ *Alden J., Crow S., Beigulenko Y.* Moscow: planning for a world capital city towards 2000 // *Cities*. 1998. Vol. 15. N 5. P. 364.

³⁵ *Light D., Young C.* Reconfiguring socialist urban landscapes: the ‘leftover’ space of state-socialism in Bucharest // *Human Geographies – Journal of Studies and Research in Human Geography*. 2010. Vol. 4. N 1. P. 6.

из этого правила редки. Одно из них — это судьба дома-коммуны на улице Орджоникидзе (дом-коммуна Текстильного института), чья девятилетняя реконструкция успешно завершилась в 2016 г. Неоднозначное отношение к тому историческому периоду, символом которого являются дома-коммуны, усугубляет двойственность их статуса — они являются свидетелями и памятниками слишком неудобного для многих прошлого, и это обстоятельство ставит их существование под угрозу.

Стандарты жилищного строительства кардинально пересматриваются после прихода к власти нового политического лидера — Н.С. Хрущева. Он предлагает другую идею — отдельная квартира для каждой семьи вместо коммунального быта. Начинается стремительное возведение новых кварталов. Строительство однотипных домов стоило относительно дешево, и позволило в короткие сроки обеспечить множество семей малогабаритными, но отдельными квартирами. Произошло формирование новой городской культуры, основанной на принципе “минимума жизни”, в первую очередь, предполагающей “минимум пространства”³⁶. Дома этого периода воспринимают не как историческую городскую среду, а скорее как проблему, доставшуюся в наследство нынешним поколениям. Дома-коммуны, в свою очередь, рассматриваются как примеры смелых экспериментов.

Предметов для спора множество, так как четких критериев исторической значимости нет. Дискуссии о “советском” (прошлом, наследии, опыте) продолжаются. А.Н. Казакевич утверждает, что феномен “советского”, некогда точно определенный и полностью понятный на различных уровнях публичной коммуникации, после нескольких десятков лет “несоветского/постсоветского существования” становится все более размытым, непонятным, бессодержательным и проблемным³⁷. Порой общественные инициативы выглядят как попытки уничтожения памяти о советском периоде в истории страны. Один из ярких примеров десоветизации — споры вокруг транспортно-пересадочного узла на базе станции метро “Войковская”, которой призывают дать другое имя. П.Л. Войков считается одним из лиц, непосредственно причастных к убийству последнего российского императора Николая II и членов его семьи. В Советском Союзе П.Л. Войков воспринимался как герой, в его честь называли улицы, заводы и другие объекты. После канонизации царской семьи в 2007 г. Русская православная церковь предложила изъять имя цареубийцы из названий городских объектов.

³⁶ Mumford L. Op. cit. P. 179.

³⁷ Казакевич А.Н. Символика места: забывание и фрагментация “советского” в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 17.

Подобное переименование представляет собой очередную попытку изменения исторической памяти, которая и так избирательна и дискретна.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. привязка “советского” к местности (его локализация) была важным элементом политической и культурной борьбы, однако, в последние 10—15 лет мы можем наблюдать, как эта тенденция к локализации постепенно теряет свое значение, свою социальную и политическую востребованность. Она вытесняется более универсальными категориями. Дать сколько-нибудь конвенциональное и устойчивое определение “советского” становится все сложнее. Таким образом, советская эпоха становится историей, теряя в большинстве городов свою негативную и позитивную значимость и целостность.

В постсоветской России Москва утратила символическое значение и превратилась, прежде всего, в экономический центр. Одна из ключевых идей бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова — превращение города в финансовый центр. Для соответствия Москвы этому статусу городское пространство вновь стало реконструироваться. В российской столице появилось множество деловых и торговых центров; наиболее масштабным проектом стало строительство города небоскребов — Москва-Сити, начавшееся в 1992 г. и продолжающееся до настоящего времени.

Экономические трансформации привели к росту неравенства, социальному расслоению и кардинальному изменению облика многих районов. Во времена существования СССР Москва не знала таких явлений, как этническое заселение районов и существенная разница между доходами социальных групп. Сегрегация имела место, но осуществлялась исключительно на политической основе. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные стали следствием заселения домов или районов представителями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий.

С начала 1990-х гг. в истории российской столицы начался новый этап развития, облик города кардинально изменился. Застройка постсоветского времени в Москве носит преимущественно точечный характер, поэтому формирование элитных кварталов затруднено. Даже в окрестностях Остоженки, для которой свойственны одни из самых высоких цен на жилье из-за близости Кремля и Храма Христа Спасителя, до сих пор существуют квартиры, в которые жильцы заселились еще во времена СССР, получив их от государства. Они не желают переезжать в другие районы, так как большая часть их жизни прошла в историческом центре Москвы, но при этом могут иметь не самое хорошее материальное положе-

ние. Поэтому в центре Москвы речь может идти об элитных домах, построенных недавно, но в населении центрального округа столицы представлено все многообразие социальных страт.

Кварталы, состоящие исключительно из новостроек, квартиры в которых приобретались жильцами на собственные деньги, называть элитными в полном смысле слова также нельзя, так как все они расположены вдалеке от центра города, что при высокой загруженности транспортных магистралей создает массу сложностей их владельцам при перемещении по городу.

В современной Москве сложно найти улицы, выдержанные в едином архитектурном стиле, эклектичность стала главной характеристикой города. Среди особняков царских времен то и дело можно встретить офис, выстроенный в стиле *hi-tech*. Многочисленные заведения сферы услуг в условиях высокой конкуренции активно борются за клиентов, используя все возможные средства для привлечения их внимания. Городское пространство Москвы преобразуется, в первую очередь, в интересах получения прибыли. Устранение символических элементов городской среды стало результатом социально-политических изменений, переходом от социализма к капитализму³⁸. Москве нелегко далось преобразование из социалистического города в капиталистический. Впрочем, это ситуация характерна не только для Москвы, но и для многих столиц Восточной Европы³⁹.

Повышение интереса к исследованиям “мест памяти” в конце 1980-х гг. было связано с политическими изменениями в Восточной Европе, которые повлекли за собой пересмотр прошлого, ревизию памяти, устранение одних “мест памяти” и создание новых. Социальная память вполне может быть результатом преднамеренной политики ее формирования: архитекторы и градостроители нередко акцентируют внимание на одних моментах истории, подчеркивая определенные элементы городской среды и уничтожая другие⁴⁰. Изменение городского пространства, особенно столиц, позволяет проследить смену идей и ревизию ценностей. Трансформация городского пространства восточно-европейских столиц представляет особый интерес, так как в короткие сроки произошла смена идеологий, переход от социалистических ценностей к капиталистическим.

Столица Румынии, Бухарест, так же, как и другие восточноевропейские города, может многое рассказать о своей истории.

³⁸ *Light D., Young C.* Reconfiguring socialist urban landscapes... P. 5.

³⁹ *Therborn G.* Eastern drama... P. 229.

⁴⁰ *Welzer H.* Op. cit. P. 288.

Многие здания позволяют безошибочно определить период своего строительства. Например, в Бухаресте была построена одна из “сестер” “сталинских высоток” (*Casa Presei Libere*, 1952–1956), прототипы угадываются довольно легко. Хотя, конечно, наиболее масштабная реконструкция социалистического Бухареста имела место несколько позднее, ее осуществил последний лидер социалистической Румынии – Н. Чаушеску.

Н. Чаушеску хотел создавать новую историю в новом городе, и Бухарест до сих пор хранит память об этом. В течение 1980-х гг. Н. Чаушеску провел крупномасштабную реконструкцию не только физического, но и символического пространства центральных районов столицы Румынии. Центр Бухареста по-прежнему напоминает о сочетании идеалов коммунизма с культом личности Н. Чаушеску, которое привело к формированию румынской версии национализма⁴¹. Однако революция 1989 г. немедленно прекратила строительные работы, и преобразование Бухареста Н. Чаушеску было резко осуждено.

Архитектурная ценность преобразований столицы Румынии Н. Чаушеску, действительно, представляется довольно противоречивой. Одним из примеров не самых удачных проектов является Дворец Парламента (*Palatul Parlamentului*), который при Н. Чаушеску был известен как Дом Республики (*Casa Republicii*) или Дом Народа (*Casa Poporului*). К революции 1989 г. он был построен примерно на 70–80%. Дворец Парламента – это второе по величине административное здание в мире после Пентагона. Однако для многих жителей Бухареста это не повод для гордости, а нежелательный символ, физическое напоминание о периоде аскетизма и лишений, которые терпели граждане Румынии во имя реализации грандиозных проектов Н. Чаушеску. Многие хотели бы его уничтожить, однако, снос Дворца Парламента был слишком дорогим, поэтому были предложены различные альтернативные способы его использования, включая казино, музей тоталитаризма, тематический парк и торговый центр. С 1996 г. в этом архитектурном сооружении заседает парламент постсоциалистической Румынии, часть здания открыта для посетителей.

Столица Венгрии, Будапешт, хранит память об Австро-Венгерской империи, Второй мировой войне, социалистической Венгрии и многих других страницах своей истории. Его тоже затронула волна переименований в попытках пересмотреть отношение к прошлому. Самая элегантная улица столицы Венгрии – проспект Андраши – после Второй мировой войны была переименована в честь Сталина;

⁴¹ *Light D., Young C. Reconfiguring socialist urban landscapes... P. 7.*

однако события 1956 г. привели к очередному переименованию — она стала проспектом Народной республики⁴². После окончания советской эпохи проспекту вернули изначальное имя. Статуи, напоминающие о социалистическом периоде в истории страны, в Будапеште были собраны в парке “Мemento”, привлекающем большое число туристов.

Коммунистическое прошлое представлено в музеях многих восточноевропейских столиц (например, в Музее социалистического искусства в Болгарии). “Места памяти” прежней эпохи локализируются в ограниченном пространстве, происходит их десакрализация. Символы социалистического времени убрали подальше от центральных улиц, которые в начале 1990-х гг. массово переименовывали: около сотни в Восточном Берлине, более 210 в Софии, около 240 в уже упомянутом Будапеште, 405 из 876 в Сараево⁴³. Распад СССР привел к окончанию целой эпохи и пересмотру отношения к ней, что нашло свое отражение и в городском пространстве.

Г. Терборн полагает, что десакрализация политической жизни в посткоммунистических странах привела к поиску новых символов, которыми в Литве, Польше, Словакии, Хорватии, Венгрии и многих других странах стали соборы⁴⁴. В частности, в Венгрии широко отмечалось тысячелетие восхождения на престол одного из самых почитаемых королей в истории страны Св. Иштвана в 2000 г. Восстановление Храма Христа Спасителя в Москве Г. Терборн также рассматривает как проявление тенденции замены коммунистической идеологии религией⁴⁵. Во многих странах церкви не только восстанавливали, но и строили новые, что меняло облик городов.

Столицы восточноевропейских городов смогли позволить себе серьезную реконструкцию городского пространства, поскольку, по словам Г. Терборна, стали “главными победителями реставрации капитализма”⁴⁶, превратившись в финансовые центры глобальной экономики. Иностранные инвестиции способствовали стремительным социально-экономическим изменениям. Однако не все из них были с восторгом восприняты местным населением, экономическое положение некоторых социальных слоев стало хуже, Восточная Европа стала поставщиком дешевой рабочей силы в Западную.

⁴² *Therborn G. Eastern drama...* P. 223.

⁴³ *Ibid.* P. 225.

⁴⁴ *Ibid.* P. 228.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.* P. 229.

Г. Терборн подчеркивает, что история Восточной Европы последних двух столетий с двумя мировыми войнами, от империй до постсоциалистических стран, драматична и травматична⁴⁷. Имперские города стали пролетарскими, а потом и капиталистическими. Они хранят наследие всех этих различающихся между собой эпох. От некоторых символов избавляются, другие возрождают, но при желании в городском пространстве можно найти “места памяти” всех периодов, начиная с имперского.

Город не может существовать вне времени. Власть и жители неизбежно превращают отдельные здания, районы, памятники, имеющие связь с какими-то историческими событиями или периодами, в символы города. *La belle Époque* на постсоветском пространстве оказалась выбрана весьма по-разному: «Если постсоветский Львов свое “золотое время” искал в Австрийской империи, постсоветская Одесса — в империи Российской, то постсоветский Днепрпетровск — в эпохе Брежнева. В данном случае можно говорить об очередном локальном примере... вторичной утилизации узнаваемых советских символических конструкций в условиях отсутствия знаков, способных адекватно отразить постсоветскую ситуацию и постсоветский опыт»⁴⁸. Выбор “эталонной эпохи”, как правило, ведет к градостроительной политике, направленной на ее воспроизводство в городском пространстве. Отсутствие видения того, каким должен быть город — к сожалению, тоже довольно распространенный случай.

Москва — один из примеров отсутствия ориентации на какой-либо исторический период и, как следствие, город утратил значительную часть своей исторической среды. По мнению экспертов ЮНЕСКО, Москва уже прошла свою точку невозврата⁴⁹. Культурное наследие находится, как правило, в центральных районах города, где стоимость земли высока. В городе по-прежнему существует так называемый “престиж центра”. Социальный статус определяется в том числе и культурными различиями (например, потреблением), поэтому покупка/аренда жилья или офиса в центральных районах Москвы востребована, наличие спроса требует новых зданий.

Городская среда меняется вследствие политических, экономических и социальных трансформаций. Технический прогресс способствовал тому, что социальные взаимодействия стали выходить

⁴⁷ Ibid. P. 233.

⁴⁸ Портнов А., Портнова Т. Столица застоя? Брежневский миф Днепрпетровска // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 85–86.

⁴⁹ Moscow heritage at crisis point / Ed. by E. Harris. M., 2009. P. 145.

далеко за пределы конкретного географического пространства благодаря широкомасштабному использованию новых средств коммуникации, интенсивному развитию транспортной инфраструктуры и, наконец, повсеместному распространению интернета: «Сегодня жизнь человека уже невозможно ограничить рамками одной группы, существующей только “здесь и сейчас”, поскольку она все больше рассеивается в бесчисленных потоках сетевых взаимодействий»⁵⁰. Но общество не может жить без прошлого, иначе ему очень сложно строить будущее.

Здания или их элементы часто становятся визуальными напоминаниями о конкретных исторических периодах. В то время как пространственный порядок часто указывает на легкость восприятия прошлого, пространственный беспорядок часто означает, что обращение к прошлому является трудным, сложным или даже невозможным⁵¹. Несмотря на значение пространства столичных городов в выражении национальной идентичности и политического порядка, они редко бывают символически едиными. Чтобы добиться отражения одной доминирующей политической идеологии, город должен быть полностью возведен заново; тогда он сможет полностью выразить политические идеалы в городском пространстве. Города полны символов. Города представляют собой наслоения различных эпох, которые причудливо переплетаются и требуют детального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берендс Я.К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133). С. 18–29.

Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Москва: столица — глобальный город — агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122–137. DOI:10.24290/1029-3736-2014-0-4-122-137.

Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 43–64. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64.

Казакевич А.Н. Символика места: забывание и фрагментация “советского” в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 17–33.

⁵⁰ *Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64. С. 44.

⁵¹ *Neumann B.* The literary representation of memory. P. 340.

Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 200-214. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214.

Мартыненко Т.С. Память и забвение как механизмы воспроизводства социального неравенства в современном мире // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 119–121.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора. СПб., 1999.

Портнов А., Портнова Т. Столица застоя? Брежневский миф Днепропетровска // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 71–87.

Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М., 2015.

Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).

REFERENCES

Alden J., Crow S., Beigulenko Y. Moscow: planning for a world capital city towards 2000 // Cities. 1998. Vol. 15. N 5. P. 361–374.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.

Assmann J. Communicative and cultural memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 109–118.

Assmann A. Canon and archive // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 97–108.

Assmann A., Shortt L. Memory and political change: Introduction // Memory and Political Change / Ed. by A. Assmann, L. Shortt. L., 2012. P. 1–14.

Behrends J.C. Modern Moscow: Russia's metropolis and the State from Tsarism to Stalinism // Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940 / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014. P. 101–124.

Berends Ya.K. Stroitel'stvo novoi Moskvy: menyayushchiisya simvol sovetskoi modernosti [The construction of a new Moscow: a changing symbol of Soviet modernity] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. N 3 (133). S. 18–29 (in Russian).

Races to modernity: metropolitan aspirations in Eastern Europe, 1890–1940 / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014.

Confino A. Collective memory and cultural history: problems of method // American Historical Review. 1997. Vol. 105. N 2. P. 1386–1403.

Dobrinskaya D.E. Sotsiologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podkhody k issledovaniyu seti [Sociological understanding of internet: theoretical approaches to the network analysis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18.

Sotsiologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 43–64. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64 (in Russian).

Echterhoff G., Higgins T., Kopietz R., Groll S. How communication goals determine when audience tuning biases memory // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2008. Vol. 137. N 1. P. 3–21.

Halbwachs M. The collective memory. N.Y., 1980.

Moscow Heritage at Crisis Point / Ed. by E. Harris. M., 2009.

Hebel U.J. Sites of memory in U.S.-American histories and cultures // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 47–60.

Kazakevich A.N. Simvolika mesta: zabyvanie i fragmentatsiya “sovetskogo” v landshafte Minska [Place symbols: forgetting and fragmentation of the “Soviet” in the Minsk landscape] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. Vol. 80. N 6. S. 17–33 (in Russian).

Kurbanov A.R. Manifestatsiya istoricheskoi pamyati v politicheskoi praktike [The manifestation of historical memory in political practice] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2016. N 1. S. 200–214. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214 (in Russian).

Lefebvre H. La production de l’espace. P., 2000.

Lefebvre H. Le droit à la ville. P., 2015.

Les lieux de mémoire / Ed. by P. Nora. P., 1984–1992.

Light D., Young C. Reconfiguring socialist urban landscapes: The ‘leftover’ space of state-socialism in Bucharest // *Human Geographies – Journal of Studies and Research in Human Geography*. 2010. Vol. 4. N 1. P. 5–16.

Martynenko T.S. Pamyat’ i zabvenie kak mekhanizmy vosproizvodstva sotsial’nogo neravenstva v sovremennom mire [Memory and oblivion as mechanisms of reproduction of social inequality in the modern world] // *Kul’turnaya pamyat’ i kul’turnaya identichnost’: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (XI Kolosnitsynskie chteniya)*. Ekaterinburg, 2016. S. 119–121 (in Russian).

Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970.

Neumann B. The literary representation of memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 333–344.

Nora P. Mezhdru pamyat’yu i istoriei. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of places of memory] // *Frantsiya-pamyat’* / Pod red. P. Nora. SPb., 1999 (in Russian).

Portnov A., Portnova T. Stolitsa zastoya? Brezhnevskii mif Dnepropetrovska [The capital of stagnation? Brezhnev’s Myth of Dnepropetrovsk] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2014. N 5 (97). S. 71–87 (in Russian).

Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. 222 goda spustya [Travel from St. Petersburg to Moscow. 222 years later] / Pod red. T.G. Nefedovoi, A.I. Treivisha. M., 2015 (in Russian).

Rudolph R., Brade I. Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. 2005. Vol. 22. N 2. P. 135–150. DOI: 10.1016/j.cities.2005.01.005.

Simmel G. The metropolis and mental life // *Simmel: On individuality and social forms (Heritage of Sociology Series)* / Ed. by D.N. Levine. Chicago, 1971. P. 324–339.

Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006 // *International Review of Sociology*. 2006. Vol. 16. N 2. P. 209–242. DOI: 10.1080/03906700600708816

Therborn G. Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // *Housing, Theory and Society*. 2002. Vol. 19. N 1. P. 26–47. DOI: 10.1080/140360902317417976

Ushakin S.A. Otstraivaya istoriyu: sovetskoe proshloe segodnya [Building a story: the Soviet past today] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. N 6 (80). P. 10–16 (in Russian).

Vershinina I.A., Polyakova N.L. Moskva: stolitsa – global’nyi gorod – aglomeratsiya [Moscow: capital – global city – agglomeration] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2014. N 4. S. 122–137. DOI:10.24290/1029-3736-2014-0-4-122-137 (in Russian).

Welzer H. Communicative memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 285–300.